

УДК 94(47).084.8:930

Р. Р. Хисамутдинова

Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе

В статье рассматривается освещение проблемы коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в новейшей российской и зарубежной историографии: причины, мотивы, виды, формы проявления и численность. Затрагивается эмигрантская и советская литература по данной проблеме. Приводятся разные точки зрения российских и западных историков на это сложное социальное явление.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коллаборационизм, российская историография, зарубежная литература.

Проблема коллаборационизма ввиду её мрачной, угнетающей сущности и болезненной реакции общественности занимает особое место в исследовании истории Великой Отечественной войны. Долгие годы властные органы старались «замолчать» эту острую и болезненную для всех проблему, так как она никак не вписывалась в победные реалии военного времени. Первые, исключительно негативные оценки сотрудничества советских граждан с оккупантами прозвучали ещё во время войны. В сталинский период коллаборационизм трактовался необычайно широко. Приказы Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. и наркома обороны № 0321 от 26 августа 1941 г. обязывали всех «сдавшихся в плен уничтожить всеми средствами», «семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи», семьи командиров и политработников арестовывались «как семьи нарушивших присягу и продавших свою Родину дезертиров» [32, с. 90]. Они отражали как официальную советскую позицию, так и реальное отношение значительной части советского общества к коллаборационизму. Уже после войны один из представителей «фронтового поколения» советской литературы В. Некрасов, вспоминая свои представления военных лет, писал: «Будем говорить прямо — для нас, советских офицеров и солдат, «власовец» был враг. К тому же изменник. Мы его ненавидели и презирали хуже немца, фашиста» [29, с. 248]. В общих трудах о войне коллаборационизм обычно упоминался в связи с описанием фашистской оккупации: «Верными лакеями фашистов в проведении всех мероприятий по порабощению народа и уничтожению советских патриотов были буржуазные националисты...». Подчёркивалась незначительная численность. В результате масштаб коллаборационизма преуменьшался. При оценке коллаборационистов использовались понятия из судебной практики или морально-этические категории. Лица, сотрудничавшие в той или иной форме с противником, именовались «предателями», «изменниками Родины», «пособниками фашистов», «фашистскими холоуями», а их наказание рассматривалось как справедливое возмездие.

Причины коллаборационизма в советской историографии сводились исключительно к субъективным факторам, к низким качествам отдельных лиц — от страха и тщеславия до жадности наживы и ненависти к советской власти [36, с. 75, 76].

Если в изображении советских историков коллаборационисты были «антигероями войны», то в эмигрантской литературе они получили прямо противоположную характеристику. Часть эмигрантов, включая бывших коллаборационистов, стремилась представить свою роль в войне как борьбу за освобождение России от сталинского гнёта [1, 2, 18]. Широкое распространение в эмиграции получила теория «третьей силы», согласно которой Русское освободительное движение генерала Власова рассматривалось как аль-

© Хисамутдинова Р. Р., 2013

тернатива и Сталину, и Гитлеру, а целью сотрудничества коллаборационистов с немцами провозглашалось создание вооружённых сил, способных разгромить сталинский режим и создать независимое Российское государство. Эту позицию выразили в своих работах член НТС А. Казанцев, выходцы из Прибалтики, бывшие офицеры вермахта С. Фрелих и др. [15, 38].

Существенный вклад в изучение коллаборационизма внесли зарубежные историки, в частности германский исследователь Й. Хоффман [37]. Однако высказанные им положения носили явно политический характер. В частности, это касается его утверждения, что каждый попавший в плен красноармеец становился «антибольшевиком» и «стремился к изменению политической ситуации в СССР». В подобных оценках и выводах, нашедших отражение и в работах других зарубежных историков, сказалось противостояние, присущее времени холодной войны, вследствие которого все противники советского строя рассматривались как борцы за свободу, потенциальные союзники западных демократий. Советский коллаборационизм изображался как движение, основанное на высоких идейных помыслах.

В новейшей историографии постсоветского периода проблема коллаборационизма стала предметом специального научного анализа и является одной из наиболее политизированных тем в российской исторической науке.

Работы на данную тему, опубликованные в начале 1990-х годов, отличались фрагментарностью, противоречивостью и полемической заострённостью, присущей публицистической литературе. Если в отдельных работах «требование реабилитации Власова» рассматривалось как «возрождение гитлеризма», то другие авторы, напротив, прямо использовали оценки, сложившиеся в эмигрантской и зарубежной литературе. В целом можно признать, что в этот период произошло «пробуждение» научного интереса к проблеме, введены в научный оборот новые сведения, предпринят первый опыт систематизации фактов и их обобщения.

Пересмотр прежних положений сказывается в использовании терминологии, менее «заряженной» негативной предубеждённостью, — выражения «сотрудничество с врагом» и французского понятия «коллаборационизм». Во Франции данный термин имел сугубо негативное значение, но его иностранное происхождение придаёт ему в русском языке нейтральный характер по сравнению с такими оценочными категориями, как «предатели» или «изменники». Следует отметить, что вплоть до 1990-х годов данный термин практически не использовался для обозначения сотрудничества с врагом на советской территории ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и применялся только для характеристики подобных явлений в оккупированных странах Европы и Азии. Правда, не все российские исследователи и сейчас готовы отказаться от прежних категорий, считая их наиболее уместными именно потому, что они наиболее точно выражают правовую оценку коллаборационизма [6, с. 142].

Одним из первых к проблеме коллаборационизма обратился в начале 1990-х годов серьёзный исследователь, фронтовик М. И. Семиряга, который писал, что «новые поколения наших соотечественников сумеют, очевидно, более глубоко и непредвзято оценить мотивы поведения многих коллаборационистов, увидеть и понять трагичность их судеб» [33]. Среди первых обобщающих работ о коллаборационизме выделяется его фундаментальный труд, впервые в отечественной науке объединивший в одной работе вопросы сотрудничества с противником жителей стран с разным политическим строем. Он предложил следующее определение: «Коллаборационизм — это содействие в военное время агрессору со стороны граждан его жертвы в ущерб своей родине и народу. В условиях оккупации деятельность коллаборационистов представляет собой измену родине и, в со-

ответствии с международным правом, они совершают военное преступление». Заслуживает внимания предложенное автором разграничение понятий. «Коллаборационизм» он рассматривает как синоним «осознанного предательства и измены», «сотрудничество» — как вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами. Впрочем, подобное употребление терминов самим автором также оказалось не лишённым противоречий, ниже он отмечал, что грань между понятиями «предатель», «изменник родины» и «коллаборационист» «весьма подвижна, тонка и трудно уловима. Но она всё же существует» [34, с. 5, 11, 815].

Другой исследователь, С. В. Кудряшов, отмечал, что переход от нейтрального взаимодействия к более тесному сотрудничеству происходил достаточно просто: «Иногда очень сложно, а то и почти невозможно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупационными властями от сотрудничества с ними». Б. Н. Ковалёв по-прежнему не видит разницы между коллаборационизмом и изменой: «Коллаборационизм — это содействие в военное время агрессору со стороны граждан обороняющихся государств в ущерб своей Родине и народу. В условиях оккупации ряда районов нашей страны деятельность коллаборационистов должна быть охарактеризована как измена Родине как в нравственном, так и в уголовно-правовом смысле этого понятия» [24, с. 91; 19, с. 480].

В современной историографии мотивы коллаборационизма получили более сложную характеристику. По мнению М. А. Семиряга, коллаборационизм советских граждан был порождён не столько симпатиями к фашистской идеологии и гитлеровской Германии, сколько теми социально-экономическими и национальными условиями в СССР, которые были созданы сталинским режимом. При этом не исключались, разумеется, честолюбивые и карьеристские мотивы, а также психологические причины: страх перед лютой жестокостью фашистов, стремление защитить и спасти свои семьи, выжить в невыносимо тяжёлых условиях оккупации. Он полагает, что именно в этом состоит специфика истоков коллаборационизма в Советском Союзе в отличие от возникновения его в других европейских странах, где часть населения поддерживала нацистские лозунги об их «расовой близости» (Дания, Норвегия), о «новой Европе» и некоторые другие [33, с. 322]. Большинство исследователей склонны считать, что причины «сотрудничества» различны — от неприятия советского строя и активного участия в войне на стороне противника до элементарного стремления как-то выжить в жёстких условиях оккупации или плена. Политические мотивы сотрудничества с врагом, если таковые присутствовали, носили либо классовый, либо националистический характер либо возникали под влиянием немецко-власовской пропаганды» [5, с. 153—154].

Д. А. Волкогонов писал, что власовщина как политическое явление стала результатом целого ряда причин: крупных неудач на фронтах, национализма и социальной неудовлетворённости некоторых представителей (и их детей) привилегированных классов, страха перед возмездием после того, как некоторые не по своей воле оказались в плену. «По мере роста отпора захватчикам случаев добровольного перехода на сторону врага становилось всё меньше, а в конце 1942 г. и 1943 г. фактически не стало» [7, с. 131]. О. Сорокина считает, что особые причины для перехода на сторону противника существовали у населения западных районов СССР, и связывает их с советской оккупацией данных территорий в 1939—1940 гг., массовыми репрессиями, а также давней нелюбовью к русским [35, с. 10]. По мнению Н. М. Раманичева, в годы войны в сотрудничество с врагом были вовлечены представители всех слоёв советского общества. Это были не только идейные противники советской власти, но и подвергшиеся необоснованным репрессиям командиры Красной Армии, недовольные принудительной коллективизацией крестьяне. К тому же репрессии в СССР продолжались и в годы войны. Распространив-

шиеся на фронте в начале войны незаконные расстрелы вынудили Сталина и Жукова ещё в июле 1941 г. подписать специальный приказ, который требовал прекратить расправы без суда и следствия.

Что касается большей части гражданского населения, то оно оказалось вовлечённым в сотрудничество с врагом обманом или угрозами, а для военнопленных немаловажную роль сыграли невыносимые условия плена. Но встречались, разумеется, и беспринципные или безвольные люди, искавшие для себя лучшей жизни. Им было всё равно, кому служить, лишь бы сытно кормили, поили, а иногда позволяли поживиться за счёт грабежа. Нельзя тут сбрасывать со счетов и личные мотивы. Иное дело национальные меньшинства. Для них стимулом сотрудничества с врагом нередко было стремление к национальной независимости, подогретое просчётами проводимой в СССР национальной политики [5, с. 162].

Среди коллаборационистов были представители разных наций и народностей, но не было ни одного народа-предателя, полностью ступившего на путь сотрудничества с фашистскими властями [28, с. 324].

Заслуживают внимания выводы ряда зарубежных авторов, которые считали, что в коллаборационизме советских граждан сознательный политический выбор играл очень незначительную роль. Итальянский историк Дж. Боффа пишет: «После войны среди западных историков нашлись такие, которые усмотрели в подобных формированиях разновидность «антисоветской и антисталинской оппозиции. На самом же деле речь шла о куда более элементарном явлении, в котором сознательный политический выбор играл очень незначительную роль... Если немцам и удалось набрать некоторое количество людей, согласившихся сотрудничать с ними, то результат этот был достигнут не столько с помощью политических средств, сколько с помощью самого элементарного шантажа голодом» [3, с. 108].

Ряд российских историков (Н. А. Кирсанов, С. И. Дробязко) также начинают рассматривать коллаборационизм как «способ выживания под пятой оккупантов» [17, с. 60]. Они обращают внимание на такие факторы, как силовое и моральное давление оккупационного режима, в условиях которого часть советских граждан теряла привычные политические и моральные ориентиры, добровольно или по принуждению становясь на путь сотрудничества. Свою роль сыграли нацистская пропаганда, националистические настроения, карьерные побуждения, соображения материальной выгоды и другие обстоятельства. Все это создаёт возможности для осмысления коллаборационизма как более сложного явления, нежели это представлялось в советской и зарубежной историографии эпохи холодной войны.

Проведённые исследования, накопление значительного фактического материала по данной проблеме позволило предложить различные варианты типологии коллаборационизма. Большинство исследователей предлагают выделять формы коллаборационизма в зависимости от того, в какой сфере осуществлялось сотрудничество с противником. Одним из первых С. В. Кудряшов выделил военное, политическое и экономическое (гражданское) сотрудничество. Кроме того, считая, что «между работой в военных частях и участием в боевых действиях с оружием в руках существовала большая разница», он предложил разграничить пассивный и активный (с оружием в руках) военный коллаборационизм. Н. М. Раманичев охарактеризовал четыре основные формы сотрудничества с оккупантами. Политическое сотрудничество — деятельность национальных комитетов (русских, украинских, белорусских, туркестанских, азербайджанских и др.), претендовавших на роль правительств; административное — участие в работе созданных оккупационными властями местных административных органов; хозяйственное — работа в

промышленности и сельском хозяйстве; военное — служба с оружием в руках на стороне третьего рейха. Указав, что диапазон форм проявления коллаборационизма весьма обширен, Семиряга выделил бытовой, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм, считая, что не все данные действия «можно квалифицировать как измену родине. Разве только за исключением последнего типа, т.е. военно-политического коллаборационизма» [24, с. 86, 91; 5, с. 293; 34, с. 11].

Другую типологию предложил В. В. Малиновский, отметивший, что коллаборационизм различался в зависимости от мотива и масштаба. По его словам, в Прибалтике и Западной Украине коллаборационизм «имел определённую националистическую окраску — местные коллаборационисты надеялись при помощи фашистских войск воссоздать свои национальные государства». Напротив, в «коренных районах СССР коллаборационизм имел в основном социальный характер: «На сотрудничество с оккупантами чаще шли выходцы из «обиженных» Советской властью слоёв населения: бывших кулаков, нэпманов и др., а также асоциальные элементы, за те или иные проступки наказанные советским государством» [26, с. 165].

По мотивам коллаборационизма историки выделяют: «сознательный» коллаборационизм, связанный с неприятием советского государства и осознанным желанием содействовать оккупантам, и коллаборационизм «вынужденный», порождённый внешними по отношению к субъекту обстоятельствами (иными словами, коллаборационизм «сердца и желудка»). От этих двух типов следует отделять «псевдоколлаборационизм» — выполнение тех или иных функций в оккупационной администрации или полиции участниками народного сопротивления.

Дифференцированный подход к коллаборационистам проявляется в работах ряда историков. И. А. Гилязов подчёркивает необходимость индивидуального подхода к каждому конкретному случаю, указывая, что «не все коллаборационисты были действительно борцами против сталинизма. Последние составляли, по-видимому, меньшинство. Многие бывшие красноармейцы, оказавшись в плену, переходили в стан врага и пытались элементарным образом спасти свою жизнь, избежать голодной смерти в лагерях для военнопленных, переждать, а при возможности перебежать обратно к своим» [9, с. 4—5].

По мнению В. А. Пережогина, гражданский коллаборационизм по большей степени носил вынужденный характер, так как у советских людей, особенно в городах, не было другого способа добыть средства к существованию для семьи. Нет никаких оснований зачислять в изменники Родины всех военнопленных, так как большинство из них оказалось там не по собственной воле, а в силу не зависящих от них обстоятельств: ранение, окружение, потеря связи со своей частью и т.д. [30, с. 293].

Беспрецедентная жестокость оккупантов и сознательное нарушение ими законов и обычаев войны, выразившиеся в масштабном принуждении советских граждан к коллаборационизму, — именно это и создало условия для вовлечения советских граждан, в том числе военнопленных, в сотрудничество с врагом в разнообразных формах [34].

Наиболее полно в современной историографии раскрыты вопросы военно-политического коллаборационизма как самой активной формы сотрудничества советских граждан с противником. В литературе нашли отражение создание и действия различных частей из советских граждан. Отечественные историки подчёркивают, что в них преобладали военнопленные красноармейцы, содержащиеся в невыносимых условиях.

Серьёзные разногласия исследователей вызывает численность данных формирований и частей. Советские историки не указывали общее количество коллаборационистов, подчёркивая его незначительность. Ряд западных историков считал, что общее число советских граждан, сотрудничавших с оккупантами, составляло около 1 миллиона человек.

Дж. Боффа пишет, что «в целом на протяжении всей войны число коллаборационистов разного происхождения и разных национальностей составило почти миллион человек. Из них сколачивались банды наёмников, которым было нечего терять, и во многих случаях эти банды дрались как бешеные. Но при первом же случае их бойцы стремились дезертировать или перейти к партизанам в надежде искупить свою вину и заслужить снисхождение. Вот почему немцы в конце концов стали выводить их с советской территории и применять в качестве оккупационных войск в других странах. Лишь в конце 1944 г., окончательно проиграв войну, гитлеровцы додумались до того, чтобы придать им — для «солидности» — видимость армии, «Русской освободительной армии», поставленной под команду перебежчика генерала Власова и немногих других советских офицеров, примкнувших к нему в плену» [3; 36, с. 81]. Немецкий историк, специалист по истории плена К. Штрайт, подтверждает необоснованность преувеличения числа сознательного политического коллаборационизма советских людей: «Утверждение, что в целом от 800 тыс. до 1 млн. советских граждан, которые в той или иной форме делали это сознательно, по политическим убеждениям выступая против советского руководства, проходит мимо исторических реальностей» [31, с. 168].

Сотрудничество с врагом в СССР никогда не достигало таких масштабов, как, например, во Франции, Бельгии, Голландии. Советский Союз избежал участи многих европейских стран, где в полную силу действовали так называемые «пятые колонны» [4, с. 436].

Историк М. А. Гареев определил общее количество коллаборационистов в 200 тыс. человек, из них в боевых вооружённых формированиях более 100 тыс. человек [8, с. 49]. С. В. Кудряшов — долю активного военного сотрудничества в 250—300 тыс. человек, а общее количество коллаборационистов в 1 млн. человек [24, с. 90—91]. По мнению С. И. Дробязко, коллаборационисты составляли 1,3—1,5 млн. человек. Ссылаясь на данные западных историков, Н. М. Раманичев указывает цифру в 1—1,5 млн. человек [14, с. 131—133; 5, с. 154]. Следует добавить, что в составе рассматриваемых частей находились и эмигранты из России, не являвшиеся советскими гражданами и формально не подпадавшие под определение коллаборационистов. В частности, из эмигрантов состоял Русский корпус, сформированный на Балканах, немалое их количество насчитывалось и в казачьих частях.

Значительное внимание в последние годы исследователи уделяли Русской освободительной армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. В советской исторической литературе она рассматривалась в качестве символа предательства и измены.

В 1990-е годы наблюдается всплеск интереса к личности и деятельности генерала Власова. Одним из первых серьёзных исследований по этой проблеме стала книга А. Н. Колесника [20]. Анализ служебной карьеры Власова не даёт основания утверждать, как пишет Семиряга, что его сотрудничество с противником было продуманным и заранее подготовленным. Видимо, решение Власова перейти на сторону немцев было вызвано страхом, что его постигнет та же участь, как и командующего войсками Западного фронта генерала Д. Г. Павлова. Власов, по всей видимости, не сомневался, что Сталин не простит ему загубленную в Волховских болотах армию, хотя в этой трагедии был виноват не только он один. Оказавшись в плену, Власов решил разыграть антибольшевистскую и антисталинскую карту с тем, чтобы привлечь на свою сторону тех советских солдат и офицеров, которые имели к сталинскому режиму свои счёты, и тем обеспечить себе тёплое место в иерархии германского вермахта [33, с. 327]. Авторы целого ряда работ пытались решить «проблему Власова» в рамках морально-этической дилеммы: кем был на самом деле генерал — предателем или героем? Как отмечается в ряде работ, вынужденное «стратегией выживания» сотрудничество советских граждан с врагом представ-

ляется как проявление «третьей силы», некоего «антисталинского протеста». Тем самым власовское движение получает моральное оправдание, а русофобская сущность нацистской политики затушёвывается. Эти трактовки служат основанием для отрицания правомерности названия «Отечественная война» применительно к войне Советского Союза против фашистской Германии и её союзников. Оправдание коллаборационизма, так или иначе, подводит к оправданию гитлеровской войны на уничтожение против СССР [4].

В целом большинство российских историков достигли согласия в том, что Власов не был идейным борцом со Сталиным вплоть до самой своей сдачи в плен и перешёл на сторону врага, спасая свою шкуру [2; 25; 16; 21; 33, с. 327].

Историки достаточно много внимания уделяют вопросам истории так называемых восточных легионов: туркестанского (из представителей среднеазиатских народов), азербайджанского, грузинского, армянского, северокавказского (из представителей народов Северного Кавказа) и волго-уральского (из представителей народов Урала и Поволжья). Их основу составляли пехотные батальоны численностью более 900 человек каждый. Всего за войну для этих легионов было сформировано 90 пехотных батальонов (26 туркестанских, 15 азербайджанских, 13 грузинских, 12 армянских, 9 северокавказских, 8 батальонов крымских татар, 7 батальонов волжских татар и других народов Урала и Поволжья) [22, с. 40—44; 5, с. 155; 13].

И. А. Гилязов раскрывает природу и истоки военно-политического коллаборационизма тюрко-мусульманских народов СССР, в том числе деятельность легиона «Идель-Урал» из представителей народов Поволжья и Приуралья под знаменем «третьего рейха» в годы Второй мировой войны [9, 10, 11].

Проведённые историком Е. Ф. Кринько опросы среди очевидцев немецкой оккупации на Северо-Западном Кавказе свидетельствуют об отсутствии единодушия среди жителей в этом вопросе и в настоящее время. Часть респондентов, включая бывших фронтовиков и партизан, до сих пор относятся к коллаборационистам как к предателям и изменникам Родины, которым даже через десятки лет нет прощения. Более того, негативные эмоции по отношению к коллаборационистам порой выступают резче, чем к солдатам вермахта. В то же время многие очевидцы, демонстрируя негативное отношение к коллаборационизму в целом, по-разному оценивали конкретного бургомистра, старосту или полицейского в зависимости от того, как те относились к населению. Нередко мнение жителей учитывалось органами власти при проведении расследований деятельности отдельных коллаборационистов уже после освобождения советской территории [23, с. 161]. Как пишет историк Е. М. Малышева, «потерпели крах попытки, ухищрения поборников «нового порядка» склонить народы Северного Кавказа к всеобщему коллаборационизму. Вместе с тем историческая справедливость требует отметить наличие проявлений элементов коллаборационизма практически на всех территориях, оккупированных германскими вооружёнными силами» [28, с. 305].

В государствах, образовавшихся после распада СССР, особенно в Прибалтике и Украине, произошла политическая и юридическая реабилитация коллаборационистов, которые теперь рассматриваются в качестве главных борцов за национальную независимость. Героем национальной историографии в Украине стал, например, С. Бандера, Роман Шухевич и др. Сотрудничество националистов с германскими властями получает позитивную оценку как одно из средств борьбы против большевистской оккупации, за национальную независимость.

Список использованной литературы

1. Алдан А. Г. Армия обречённых. Нью-Йорк, 1969.
2. Бахвалов А. Л. Генерал Власов. Предатель или герой? // Звезда. 1995. № 6. С. 109—156.

3. Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. 2-е изд. М., 1994.
4. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. М. : Воениздат, 2011. 848 с.
5. Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М. : Наука, 1999. 368 с.
6. Вишлëв О. В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
7. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 2, ч. 1. М., 1989.
8. Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4.
9. Гилязов И. А. Военно-политический коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1999.
10. Гилязов И. А. На другой стороне: Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Казань, 1998. 252 с.
11. Гилязов И. А. Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знаменем «третьего рейха». Казань : Таткнигоиздат, 2005. 383 с.
12. Донсков П. Дон, Кубань и Терек во второй мировой войне. Нью-Йорк, 1960.
13. Дробязко С. И. Восточные формирования в составе вермахта, 1941—1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук, М., 1997.
14. Дробязко С. И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 131—133.
15. Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. 3-е изд. М., 1994.
16. Квицинский Ю. Генерал Власов: путь предательства. М., 1999.
17. Кирсанов Н. А., Дробязко С. И. Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: национальные добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6.
18. Китаев М. Как это началось. Нью-Йорк, 1970.
19. Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941—1944 гг.). Новгород, 2001.
20. Колесник А. Н. Генерал Власов — предатель или герой? М., 1990.
21. Коняев Н. М. Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. М., 2001.
22. Крикунов В. П. Под угрозой расстрела или по доброй воле? О формировании в годы войны немецко-фашистским командованием национальных частей из числа военнопленных РККА и изменников Родины // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 40—44.
23. Кринко Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11.
24. Кудряшов С. В. Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941—1942) // Свободная мысль. 1993. № 14.
25. Левин В. И. Генерал Власов по ту и эту сторону линии фронта: Воспоминания, встречи, документы // Звезда. 1995. № 6. С. 109—156.
26. Малиновский В. В. Кто он, российский коллаборационист, патриот или предатель? // Вопросы истории. 1996. № 11—12.
27. Мальшева Е. М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941—1945 гг. М. : Вече, 2011. 492 с.
28. Мальшева Е. М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941—1945 годов. Современные подходы. М. : Наука, 2005. С. 305—338.
29. Некрасов В. Послесловие // Бетелл Н. Последняя война. М., 1992.
30. Пережогин В. А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941—1945. М. : Наука, 2004. Кн. 2. С. 293—305.
31. Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд. М., 2009.
32. Россия, которую мы не знали. 1939—1993. Хрестоматия. Челябинск, 1995.
33. Семиряга М. И. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война. 1939—1945 гг. М., 1996. Кн. 3. С. 313—339.
34. Семиряга М. И. Коллаборационизм, природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000.
35. Сорокина О. Этнические движения в СССР и вторая мировая война // История. 2002. № 6.
36. Хисамутдинова Р. Р. Советский Союз накануне и в период Великой Отечественной войны : учеб. пособие к лекционному курсу. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009. 360 с.
37. Хоффман Й. История Власовской армии. Париж, 1990.
38. Штрик-Штрикфельд В. К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1994.

Поступила в редакцию 23.08.2013 г.

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru

UDC 94(47).084.8:930

R. R. Khisamutdinova

The problem of collaborationism in the Soviet Union during the Great Patriotic War in the modern Russian historiography and foreign literature

The article considers the treatment of collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War in modern Russian and foreign historiography: causes, motives, types, forms of and quantity. The paper touches upon emigrant and Soviet literature on the subject under analysis. It also provides different points of view of Russian and Western historians on a complex social phenomenon.

Key words: the Great Patriotic War, collaborationism, Russian historiography, foreign literature.

Khisamutdinova Ravilya Rahimyanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru